

ББК 87.251.3

В.П. Киржаева, И.А. Якунченкова

**Терминообразовательное гнездо *тать*
как компонент древнерусской юридической
терминосистемы**

V.P. Kirzhaeva, I.A. Yakunchenkova

**Terminological Derivative Group *Tat'* (Thief)
as a Component of the Old Russian Law Terminological
System**

На материале широкого круга источников выявляется системный характер функционирования компонентов терминообразовательного гнезда **тать** в Русской Правде.

Ключевые слова: древнерусская юридическая терминология, термин, терминообразовательное гнездо, Русская Правда.

The main goal of the article is to show the usage of the systematic character of the Old Russian terminological derivative «tat» (thief) in «The Russkaya Pravda».

Key words: Old Russian law terminology, term, terminological derivatives, Russkaya Pravda.

1. Одним из важнейших признаков термина многие ученые (Р.А. Будагов, Н.В. Васильева, В.П. Даниленко, М.В. Лейчик, Д.С. Лоте, Н.В. Подольская, А.А. Реформатский, С.Д. Шелов и др.) считают его системность как соотнесенность с другими терминами в определенной отрасли терминологии на понятийном, семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях.

2. Термин **тать**, рассматриваемый нами по наиболее древнему из известных Синодальному I списку Русской Правды из Новгородской Кормчей 1282 г., отмечается в ст. 70 и 77 памятника: «*Аже будет росечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати в собе татя любо платити продаю*» [1, с. 128]; «*Не боудеть ли татя, то по следу женуть; аже не будет следа или к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едут на след или отобиються, то тем платити татбу и продаю; а след гнати с чюжими людми а с послухы; аже погубять след на гостинци на велице, а села не будеть, или на пусте, где же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продаже, ни татьбы*» [1, с. 131].

Анализ его толкований, предлагаемых исследователями Русской Правды, позволяет выявить четыре различные позиции.

Большинство исследователей считают, что **тать** имеет значение 'вор' [2, с. 101; 3, с. 547, 617; 4, с. 112; 5, с. 172; 6, с. 113; 7, с. 431; 8, с. 277].

По мнению других, он полисемичен, обозначая не только вора, но и грабителя [9, с. 169; 10, т. 3, стб.

926–927]. Детальное рассмотрение содержания обоих понятий позволяет оспорить это мнение.

Во-первых, в соответствии со ст. 35 «*Аже кто познаеть свое, что будеть погубиль или украдено у него что или конь, или портъ, или скотина, то не рци се мое, но поиди на свод, где еси взял; сведитесь, кто будеть виноват, на того татьба снитеть*» [1, с. 125], потерпевший от действий **татя** может не знать, потерял он вещь или она у него была украдена, значит, личность **татя** неизвестна потерпевшему, в отличие от личности **грабителя**, который совершает «отнятие силою чужой собственности» (см. **грабежь**: [10, т. 1, стб. 573]). **Открытый** – насильственный – характер совершения хищения при грабеже отмечается и другими источниками, например: «насильственное завладение чужим имуществом; лат. *garipna*» [11, с. 32]; «**грабежомь** в знач. наречия. Насильственно, посредством грабежа» [12, с. 112].

Во-вторых, ст. 40 «*О татбе. А оже убьютъ кого у клети или у которои татьбы, то убьютъ во пса место; оже ли и додержатъ света, то вести и на княжь двор; оже ли убьютъ и, а уже будеть видели людие связана, то платити в том 12 гривне*» [1, с. 126] содержит прямое указание на совершение преступного действия ночью («*оже ли и додержатъ света*» – если совершившего татьбу и пойманного на месте преступления не убьют до рассвета»), т.е. тайно, не являя потерпевшему своей личности. Правильность такого прочтения подтверждается и приведением И.И. Срезневским этого контекста как примера в словарной статье **свьть** [10, т. 3,

стб. 295], и структурой и семантикой фразеологизма **аки тать въ нощи** ‘внезапно, неслышно, незаметно, без предупреждения’ [13, с. 871].

В-третьих, этимологи считают существительное **тать** образованием от основы **таить**: «...соотносительные формы в древнеирландском *táid* и санскрите *tāyú-h-* с тем же значением и аналогичной словообразовательной моделью указывают на праиндоевропейское происхождение инварианта ‘преступник, совершающий похищение чужого имущества тайно’» [14, с. 224]; (см. также: [15, т. 4, с. 11]).

Таким образом, вполне обоснованно выделение в качестве смыслового инварианта словообразовательного гнезда **тать** понятия ‘вор, совершающий преступное деяние тайно, не открыто’; а значит, необходимы уточнения определения, предлагаемого М.А. Исаевым: ‘вор, очень редко в смысле разбойник, промышленный прямым разбоем, а не воровством’ [11, с. 106].

Указываемое некоторыми исследователями значение ‘преступник, нарушитель установлений’ [16, с. 358], ‘злодей’ [17, с. 64] является скорее переносным и не отражает семантики термина **тать**.

На наш взгляд, интерес представляет выделение значения ‘браконьер’: «Тать был не просто вором, но являлся также браконьером» [18, с. 61].

Это мнение опирается на вывод П.Н. Мрочек-Дроздовского о том, что ст. 70 «*Аже будеть росечена земля или на земли знамение, имь же ловлено, или сеть, то по верви искати въ себе татя любо платити продажу*» [1, с. 128] представляет собой продолжение ст. 69 «*Аже украдеть кто бобръ**». Возможность такого объединения объяснена логической связью содержания статей, поскольку в ст. 69 «говорится о тайной ловле, об отыскании и последствии отказа верви от розысков ловца-тата: речь неполная, – не указано предмета хищнической ловли; полный смысл этот текст получает только в связи с предыдущим, – как вторая часть цельного закона о краже бобра. В гонах, или охотничьих бобровых участках, бобры живут в прибрежных норах с выходами на сушу и на воду: таким образом, бобра в гону можно словить или прямо из норы, раскопав землю, или какой-нибудь ловушкой, поставленную у сухопутного выхода из норы, или же с воды сетью» [19, с. 553].

Ряд наблюдений, на наш взгляд, может служить подтверждением правомерности уточнения семантики термина.

Анализ статей, в которых указан предмет татбы (ст. 35: украдено у него что **или конь, или порт, или**

* В определении написания в этом списке борт/бърть как ошибочного мы следуем за Н.Ф. Лавровым, П.М. Мрочек-Дроздовским, Е.Ф. Карским, Б.Д. Грековым и другими, предлагающими как правильное чтение во всех остальных списках памятника бобръ. На это указывают и характеристики действий преступника в самом тексте ст. 70 «имь же ловлено, или сеть».

скотина; ст. 41: Аже крадеть кто **скот в хлеве или клеть**; ст. 42: Аже крадеть **скот на поли, или овце, или козы, или свиньи**; ст. 43: Аже крадеть **гумно или жито в яме**; ст. 75: Аже **борть** подьтнеть; ст. 76: Аже **бчелы** выдереть; ст. 79: Аже **лодью украдеть ... морьскую лодью ... набоинную лодью ... челн ... струг**; ст. 81: Аже кто украдеть в чьей перевесе **или сокол или ястряб ... голубь ... курия ... утовь ... гусь ... лебедь ... жеравль**), позволяет говорить о квалифицирующем характере статьи о краже бобра, что проявляется в большом наказании, равном продаже за убийство холопа и ответственности верви, в пределах которой оно совершено.

Причина определяется в научной литературе по-разному: по мнению И. Болтина, «истребление вовсе бобрового завода, когда кто из племенных бобров – самку или самца – убьет, разоря их гнездо или нору, и для того и пеня столь великая положена, понеже убиением единого из племенных истребляется вся стая» [19, с. 550]; А. Рейц усматривает здесь кражу «ручного» бобра [19, с. 550]; М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивает значимость пушного промысла, составлявшего «главный источник богатства наравне с пчеловодством даже в XV и XVI веках» [19, с. 550]. Некоторые исследователи (Д.Н. Дубенский, И. Собестьянский, Е.Ф. Карский, М.Н. Тихомиров) считают, что бобры были собственностью князя, и охота на них нарушала княжеские права.

Только статья о краже бобра, в отличие от кражи других животных, получает специальную интерпретацию исследователей. Так, А. Станиславский определяет эту татбу как «вид неправильного пользования произведениями чужой земли» [19, с. 550]; С.В. Ведров видит в ней не только «кражу пойманного в чужую ловушку бобра, но и успешную охоту за бобром в таком месте, где, по охотничьим обычаям, бобр считался принадлежностью одного охотника (немецкое *Wilddiebstahl*)» [19, с. 550]; по мнению М.Н. Тихомирова, «статья направлена в защиту единоличного права феодала охотиться в его лесах на ценного зверя, против сельской общины-верви, которая делается ответственной за браконьерство и платит продажу, если не найдет нарушителя» [20, с. 102].

Таким образом, в Русской Правде термин **тать** отражает общее понятие ‘вор’, которое может быть уточнено в случае кражи бобра как ‘браконьер’. На семантическом уровне значения ‘вор’ и ‘браконьер’ объединены общим смысловым инвариантом ‘совершающий воровство тайно, не открыто’, что для второго значения вытекает из определяемого ст. 70 наказания за совершенное преступление «*то верви искати татя ли платити продажу*».

3. Термин **тать** является исходным в терминологическом гнезде, мотивируя семантически и формально термины **татба/татьба, татебное/татебно**.

3.1. Исследователи связывают термин **татба/татьба** с понятием воровства, кражи [2, с. 101; 3, с. 617; 7, с. 431], и – шире – с понятием незаконного владения имуществом [11, с. 108].

Значение 'воровство, кража' реализовано в ст. 22 в перечне названий других преступлений «*Тако же и во всех тяжках, в татбе и в поклепе*», и в ст. 40 «*О татбе. А оже убьютъ кого у клети или у которои татбы, то убьютъ во пса место*» и 42 «*О татбе же. Аже крадеть скот на поли, или овци, или козы, или свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун*».

В названии ст. 37 «*О татбе*» большинство ученых усматривают то же значение; однако более вероятным кажется значение 'дело о краже' [10, т. 3, стб. 927; 16, с. 358], на что указывает общее содержание ст. 36 и 37 – ход расследования конкретного преступления.

В ст. 35 и 77 исследователи выявляют значения 'украденное имущество, предмет воровства' и 'цена украденного' [8, с. 277; 9, с. 169; 10, т. 3, стб. 927–928; 21, с. 96], что имеет соответствия с употреблением термина в Вопросании Кириковом (середина XII в.), Псковской судной грамоте 1397–1467 г., Судебнике 1497 г., Правой грамоте о беглых девках 1541 г.

3.2. Второй дериват **татебно (татебное)**, используемый в ст. 37 «*О татбе. Паки ли будеть что татебно купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника...*» [1, с. 125], чаще всего семантизируется как 'украденное имущество, предмет воровства' [6, с. 113; 7, с. 431; 9, с. 169; 16, с. 358; 18, с. 50–62; 20, с. 94; 23, с. 108], т.е. является синонимом термина **татьба/татба** в одном из его значений. Обращает на себя внимание единичность употребления деривата-прилагательного, отсутствие его в других юридических текстах этого периода, а также использование в значении 'краденый' другого деривата **татекрадьстванный** в окружном послании митрополита Фотия (до 1431 г.) [10, т. 3, стб. 925–926].

4. Элементами терминообразовательного гнезда являются и именные терминосочетания **коневый тать, клетный тать и конечный тать**.

4.1. В исследуемом памятнике два первых термина использованы в ст. 35: «*Аже кто познаеть свое, что будеть погубил или украдено у него что, или конь, или порт, или скотина, то не рци се мое, но поиди на свод, где еси взял; сведитеся, кто будеть виноват, на того татьба снидеть, тогда он свое возметь, а что будеть с нимъ погибло, то же ему начнетъ платити, аще будеть коневый тать, а выдати князю на поток; паки ли будеть клетный тать, то 3 гривны платити ему*» [1, с. 125];

Исследователи связывают понятие **клетный тать** с местом совершения воровства: домашний вор [2, с. 91]; вор, укравший что-либо из дома или какой-либо постройки на дворе [8, с. 261; 9, с. 151]; мелкий ворышка, кравший из дома [5, с. 154]. М.А. Исаев объ-

ясняет серьезность наказания за такое преступление сакральностью его характера, проявляющейся у всех индоевропейских народов: «...вор как бы покушался еще на спокойствие домашних божков, ларов, как их называли римляне; у славян чаще всего они именуется домовыми» [11, с. 107].

4.2. Большинство исследователей связывают значение терминосочетания **коневый тать** с понятием предмета воровства – 'конокрад' [2, с. 92; 7, с. 401; 8, с. 262; 11, с. 107; 12, с. 271; 19, с. 593; 20, с. 93; 22, с. 400].

Дискуссионным остается вопрос об основаниях, позволяющих дифференцировать понятия **тать** и **коневый тать**, что приводит к различиям в толковании семантики терминосочетания.

Само выделение в Русской Правде понятия **коневый тать** и высокая мера наказания за него – поток – П. Беседкин связывает с общественной опасностью деяния, поскольку гибель коня «влечет за собою для члена земледельческой общины потерю всего благосостояния, полную нищету» [19, с. 588–589]. Наблюдения И. Болтина позволяют предполагать возможное влияние древнегерманского законодательства, где «татьба коневая ... признавалась важнейшею не только других татеб, но даже и человекоубийства; ибо за кражу лошади предписана была у них смертная казнь, а за убийство человека денежная пеня» [19, с. 398]. Интересно в этом контексте наблюдение Е.И. Якушкина, приводимое М.А. Исаевым: «...в России конокрадство считалось в обычном праве самым тяжким преступлением, и общины (миры) вплоть до Октябрьской революции 1917 выносили своей властью конокрадам смертные приговоры и сами их приводили в исполнение» [11, с. 107].

Как квалифицированную кражу, **коневую татьбу** рассматривает С.В. Ведров, предполагая предметом кражи в этом случае ценных заводских лошадей (жеребцов) [19, с. 400].

Но обе точки зрения, по нашему мнению, вступают в определенное противоречие со ст. 45 Русской Правды: «*Паки ли лица не будеть, а будеть был князь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инех по 2 гривне. А се уроци скоту. Аже за кобылу 60 кун, а за вол гривну, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, а за боран ногата, а за жеребець, оже не вседано на нь, гривна кун, а за жеребя б ногат, а за коровие молоко б ногат; то ти уроци смердом, оже платять князю продажю*» [1, с. 126], в соответствии с которой кража вне зависимости от возраста коня и социального положения собственника наказывается только продажей разного размера.

Иную интерпретацию понятия предложил А. Попов: «...слова коневый тать не означают вора, укравшего лошадь, но того, который крадет на коне, стало

быть, разбойника в собственном смысле. Разбойник, различаемый от простого вора названием коневый тать, не только ворует, но и убивает-грабит» [19, с. 399]. Как доказательство правомерности соотнесения действий **коневого татя** и **разбойника** он приводит аналогичность меры наказания, которая вытекает из ст. 7: «*Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли стал на разбои без всякоя свады, то за разбойника люди не платяють, но выдають и всего с женою и с детьми на поток а на разграбление*» [1, с. 123].

Однако при такой интерпретации, во-первых, разрушается единство основания – указание на предмет кражи – для квалификации преступного деяния, совершаемого **клетным татем** и **коневым татем**, но сохраняется единство терминообразовательной грамматической модели; во-вторых, терминосочетанием утрачивается смысловой инвариант ‘вор, совершающий преступление тайно, не открыто’.

Очевидно, наиболее обоснованным является определение рецидивного характера совершения кражи **коневым татем** – ‘конокрад по ремеслу и рецидивист’ [22, с. 400], ‘отъявленный вор лошадиный’ [19, с. 399], ‘профессиональный конокрад, рецидивист’ [5, с. 154], что подтверждается аналогичным примером ужесточения наказания за многократную кражу в ст. 8 Псковской судной грамоты 1397–1467 г.: «*Чтобы и на посадь покрадется, ино **дважды** и пожаловати, а изличивъ **казнити** по его винь; и **въ третій рядь** изличивъ, **живота** ему **не дати**, (крам)кромъскому татю». Такой подход на понятийном уровне снимает противоречие между характером преступления и мерой наказания за него, на семантическом – сохраняет общность инварианта.*

4.3. Терминосочетание **конечнии тать** употреблено в ст. 38: «*О челядине. Аще познаеть челядин свои*

*украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам и до третьяго свода; пояти же челядин в челядина место, а оному дати лице, отъ идетъ до конечняго свода, а то есть не скот, не лзе рчи: не веде у кого есмь купил, но по языку ити до конча; а где будетъ **конечнии тать**, то опять воротить челядина, а свои поиметь, и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривне в челядине или украдше»* [1, с. 125–126]**.

По общему мнению, его значение связано с понятием лица, которое установлено в ходе следствия как действительно совершившее кражу: ‘непосредственный исполнитель кражи’ [2, с. 100; 5, с. 153; 7, с. 402; 11, с. 107; 12, с. 275; 16, с. 358; 23, с. 102].

5. Анализ употребления термина **тать** и его производных в Русской Правде позволяет на частном примере делать вывод о системном характере организации древнерусской юридической терминологии. Во-первых, в памятнике последовательно реализуется логико-семантическое соотнесение юридического понятия и соответствующей лексемы; деривационные отношения носят характер родо-видовой иерархии, в рамках которой **тать** является гипергипонимом к каждому деривату-слову (**татьба**, **татебно**) и словосочетанию (**клетный тать**, **коневый тать**, **конечный тать**). Во-вторых, понятийная, семантическая и грамматическая связь терминосочетаний **конечный тать** и **конечнии сводь** также может рассматриваться как указание на системность древнерусской юридической терминологии в целом.

** В ст. 36 «О своде ...будеть ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода; а что будетъ лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицомъ ити до конца своду, а истью жьдати прока; а где снить на конечяго, то тому все платити и продажо» [1, с. 125] в составе терминосочетания исходный термин отсутствует, что допускает возможность субстантивации прилагательного.

Библиографический список

1. Правда Русская : в 2 т. – Т. 1: Тексты. – М., 1940.
2. Амелин Г.К. Предметно-терминологический указатель // Материалы к изучению истории государства и права СССР «Русская Правда». – М., 1962.
3. Большой юридический словарь. – М., 2003.
4. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М., 1984.
5. Зимин А.А. Историко-правовой обзор // Памятники русского права. – Вып. 1. – М., 1952.
6. Карский Е.Ф. Русская Правда по древнейшему списку: введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. – Л., 1930.
7. Лурье Я.С. Предметно-терминологический указатель // Памятники русского права. – Вып. 2. – М., 1953.
8. Савельев В.С. Законодательные источники древнерусского права : хрестоматия. – М., 2006.
9. Баженов А.В., Танкилевич Н.Б. Материалы для словаря Русской Правды // Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. – М., 1953.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. – М., 1989.
11. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М., 2001.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4. – М., 1977.
13. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – М., 2005.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – Т. 2. – М., 2001.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – Т. 4. – М., 1973.

16. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. – М. ; Л., 1937.

17. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

18. Кочин Г.Е. Указатель // Русская Правда по спискам академическому, Карамзинскому и Троицкому. – М. ; Л., 1934.

19. Правда Русская : в 2 т. – Т. 2 : Комментарии. – М., 1947.

20. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. – Изд. 2-е. – М., 1953.

21. Туркин В.Н. Терминологическая лексика «Русской Правды» (краткие, пространные и сокращенные списки) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1953.

22. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1907.

23. Романов Б.А. Указатель терминов и речений в Правде Русской // Правда Русская. – М. ; Л., 1940.